

Оборванцы из Кингстона

Юрген РУТЕНБЕРГ

«ДАЙТ-МАГАЦИН», ГАМБУРГ.

ПЕРЕД нами — маньяк-убийца. Правда, только на словах. 27-летний Катти Рэнкс из Кингстона (Ямайка) в своих песнях прихлопнул уже толпы людей — по поводу и без повода. Для этого он в зависимости от настроения использует гранаты и бомбы; больше всего ему по душе всевозможные виды ручного огнестрельного оружия, а иногда он использует и обычный мясницкий нож. И вот этот человек приехал записывать пластинки в Англию.

Катти Рэнкс называет себя «оборванцем». Выпив солидную порцию виски, он начинает рассказывать о себе.

— Я рос на улицах Кингстона, целиком предоставленный сам себе, в негритянском гетто. Чтобы там выжить, надо быть по-настоящему твердым.

Тогда его звали еще Филип Томас. Кличку «Катти» он получил после того, как поработал мясником.

Его глубокий, дружелюбный голос никак не напоминает о его прошлом и о жутких текстах его песен. Рассказывая о себе, он сбивается на ритм элементарного «рэгги».

— Быть оборванцем — это значит ничего не иметь и что-то из этого сделать. Всему, что я умею, я научился сам. Этого было достаточно, чтобы выжить и добиться того, чего я достиг.

Он был в студиях звукозаписи Кингстона, Нью-Йорка и Лондона, в хит-парадах «рэгги» и в центре мира музыки «рагга» — музыки «оборванцев». Чтобы оставаться на плаву здесь, ему также приходится быть твердым.

«Рагга» (от англ. Ragamuffin — оборванец) — это то же самое для традиционного «рэгги», чем в семидесятые годы был панк для «доисторического» рока, а именно шок. Пол-

ный энергии прорыв в хаос, взрыв, волна которого сметает прочь привычный домашний уют. Переворот ценностей: в текстах «рагга» поется о насилии и сексе вместо мира и любви. «Рагга» — стиль очень быстрый, очень энергичный и очень преходящий.

Слово «оборванец» старо, а музыкальное направление, которому оно дало название, ново. К этому слову возводится также и название стиля «рэгги» — высшие слои Ямайки в шестидесятые годы называли раннюю форму местной поп-музыки «музыкой оборванцев», музыкой из гетто. Исполнители новой, радикальной формы «рэгги» вспомнили это в конце восьмидесятых годов — и назвали свой стиль «рагга».

Уже само слово «рагга» звучит чуть грубее, чем «рэгги», — что уж говорить о самой музыке. Жесткий компьютерный ритм, жуткий рэп на ямайском диалекте и к тому же — очень редко — вкрапление слащавых мелодий или детских стишков. Из этих компонентов состоит жизненный эликсир движения, завладевшего всем миром. Поскольку поп-музыка для того и существует, чтобы быть громкой и нервировать родителей, «рагга» и есть идеальный вид поп-музыки. Для «непосвященных» этот шум и гам просто непонятен ни с музыкальной, ни со смысловой точки зрения.

Выход из музыкального «андеграунда» был делом предрешенным. Не успела «рагга» просуществовать и нескольких лет, как она уже пробилась в святая святых английского по-

па: «раггамаффины» Шэгги, Шэбба Рэнкс и Сноу побили всех мадонн и майклов джексонов и заняли первое, второе и третье места в хит-параде. Так «рагга» стала составной частью мира белой поп-музыки. В Германии она тоже давно завоевала надежное место в чартах. Нет ни одного сколь-нибудь крупного города, в котором не открылась бы дискотека «рагга».

По оценкам американского музыкального журнала «Билборд», на Ямайке на протяжении нескольких лет каждую неделю записывается до 200 синглов в стиле «рагга». Ибо Ямайка и сегодня остается живительным источником новой музыки. После Кингстона «рагга» завоевала Нью-Йорк, на третьем месте оказался Лондон.

Типичный пример классической карьеры «раггамаффина» — судьба Катти Рэнкса. 13-летним пацаном он начал подрабатывать грузчиком на популярных в Кингстоне передвижных дискотеках. Больше чем на карманные расходы заработать не удавалось, зато он имел возможность вариться в соку «рэгги», слушать самые новые записи, восхищаться классическими диск-жокеями — такими, как Ю-Рой или Биг Юс. Он начал имитировать их стиль, увлекся, а потом выработал и свой собственный. Ему разрешали время от времени выступать перед публикой. «Я тренировался долго, пока не понял, что овладел этим стилем в совершенстве. Теперь я никому не подражаю», — вспоминает он. В 19 лет он записал свой первый сингл.

В 1985 году появился его диск «Лирика человека с пушкой». Он положил начало новой тематике, которой было суждено завладеть музыкой в стиле «рагга» и стать ее характерной чертой. «Я придумал вечеринку

оружия. Каких только пушек на ней не было! Они все знакомились друг с другом и шли танцевать». Выдумка понравилась, и Катти Рэнкс до сих пор выступает со своими «тяжеловооруженными» текстами. «Я никого не призываю пойти и застрелить человека, — оправдывается он. — Я всего лишь говорю о том, что вижу вокруг себя».

В том же 1985 году грянула электронная революция в сфере «рэгги». Принс Джемми выпустил на рынок первую запись «рэгги», выполненную исключительно с применением электроники. Диск назывался «Sleng Teng», он звучал необычайно «круто» и стал детонатором взрыва нового стиля — «рагга». Исполнение песен в этом стиле теперь совершенно обходится без «естественных» музыкальных инструментов, сильно увеличился и темп. Из этих мелодий бьет ключом энергия, они полны воинственности, честолюбия, чувства опасности и вызывающе оригинальны.

Исполнитель «раггамаффин» и одет соответствующим образом: на нем, как правило, драные, по возможности непомерно широкие штаны, куртка из толстого вельвета. Особый шик — дыры от пуль. Их либо вырезают ножницами, либо ткань действительно простреливают из пистолета. Комментатор английского музыкального канала, часто передающего музыку в стиле «рагга», Дэвид Родиган говорит: «За подобные вещи в специальных лавках в Лондоне люди выкладывают немалые деньги. В этом есть своя ирония — они хотят походить на бедных мальчишек из Кингстона, которые действительно зарабатывают на кусок хлеба мытьем стекол автомобилей и которым действительно нечего надеть, кроме рваной рубашки». Раньше имидж «раггамаффина» предполагал наличие длинных курчавых волос. Теперь прическа должна быть очень короткой, с выстриженным фигурным рисунком на голове.

Если «оборванцы» несут миру какую-то весть, то она, к сожалению, весьма мрачна. Более половины дисков либо прославляют насилие, либо содержат гротескные выпады против женщин, либо полны ненависти к человеку как таковому. Бесспорный король «оборванцев» Шэбба Рэнкс создал себе славу на текстах, которые можно причислить к порнографии.

«Если поешь об обществе, о его проблемах, о том, что действительно важно для человека, то сегодня тебя не будут с этим покупать», — утверждает Катти Рэнкс. — Я зачастую критикую в своих песнях засилье оружия. Но если вижу, что публика отворачивается, что это «не идет», я переключаюсь на другое. Я говорю: вот если бы у меня был танк... и так далее. При этом я ничего страшного не имею в виду. Люди под это просто танцуют».

Оправдание, что, мол, «оборванцы» поют то, что хотят слышать люди, к сожалению, имеет под собой почву. «Что поделать», — говорит владелец одной из студий звукозаписи в Лондоне, — людям больше нравятся крутые вещи, чем что-то нормальное. Не будет в дискотеке крутизны — никто не придет. Конкуренция среди «раггамаффин» заставляет их каждый раз быть чуть более жестокими, чем был их предшественник. И никто не знает, куда это приведет».